ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Н. А. НИКИФОРОВ

Н. НИКИФОРОВ

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

РАССКАЗЫ
КОЛЛЕКЦИОНЕРА

ЦЕНТРАЛЬНО-
ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖ
1 9 6 8

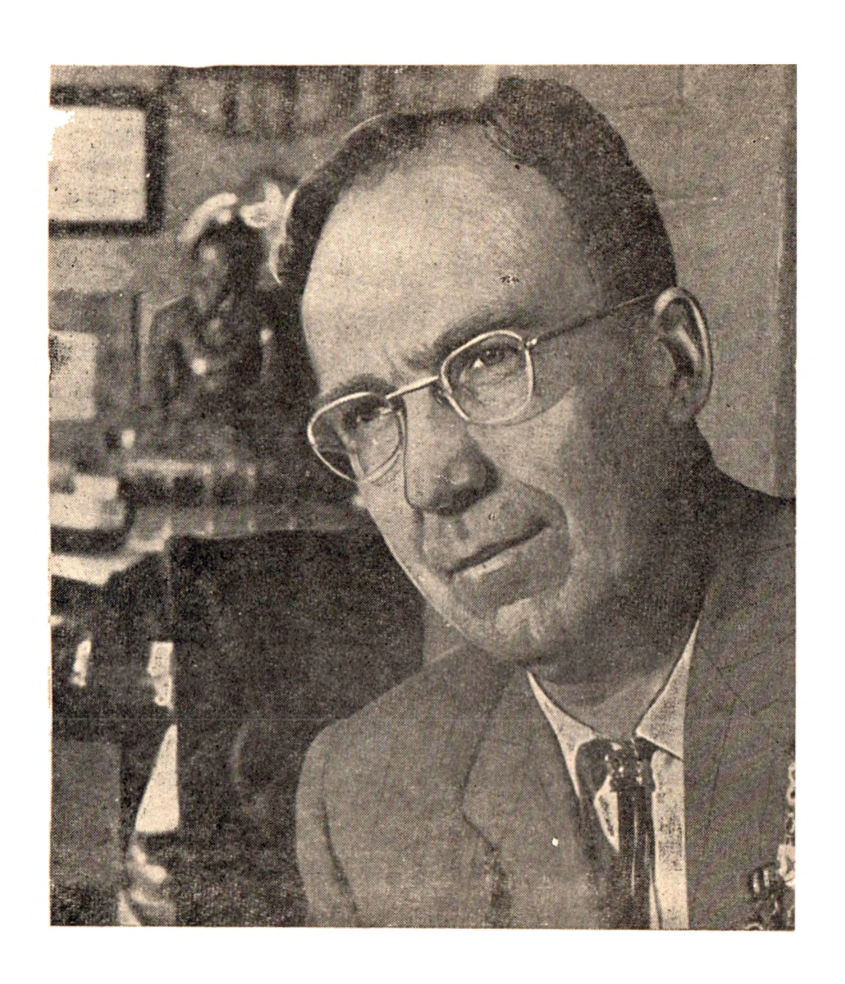
Всем — знакомым и незнакомым — друзьям коллекционерам посвящает автор эту книгу

Р2
Н62

Фотографии **Н. В. Куксова**
Художник **Л. Данич**

7-3-2
47Ц468

В 1964 году Центрально-Черноземное книжное издательство выпустило книгу тамбовского коллекционера Н. А. Никифорова «Поиски и находки», в которую вошли небольшие новеллы, рассказывающие об экспонатах созданного им в Тамбове литературного музея. Автор хранит письма-отзывы об этой книге Н. Тихонова, Л. Гумилевского, Н. Жукова. Среди зарубежных читателей этой книги можно назвать художников Рокуэлла Кента, Давида Бурлюка, президента Финляндии Урхо Кекконена. Увлеченно и неустанно Н. А. Никифоров продолжает пополнять свою интереснейшую коллекцию коллекций, часто устраивает выставки в Тамбове и других городах Союза. Дружеские связи поддерживает он со многими советскими и зарубежными писателями, художниками, коллекционерами. Популярны выступления Н. А. Никифорова по радио и телевидению, он много путешествует по нашей стране, побывал во многих зарубежных странах. В настоящую книгу вошли некоторые из его последних рассказов о поисках и находках, о нелегком и беспокойном труде коллекционера.

Н. А. НИКИФОРОВ.

Какие существуют коллекции и что собирают коллекционеры

Какие есть на свете коллекции?

Что собирают люди?

Чтобы ответить на эти два вопроса, надо было бы написать многотомный труд. А коротко можно сказать: коллекции бывают большие и маленькие, нужные и нелепые, очень дорогие и не стоящие гроша.

Разные бывают коллекции. Большие: в Филадельфии владелец трамвайного парка коллекционирует... трамвайные вагоны. Их у него уже около трехсот — изо всех стран мира. И маленькие: скрипка длиной 14 миллиметров, поезд — паровоз и три вагона,— свободно проходящий в игольное ушко, и десятки других крошечных предметов хранятся у Эдуарда Казаряна, скрипача Ереванской филармонии. Большинство коллекций очень нужно людям, но есть и такие, которые поражают своей нелепостью. Некоторые экспонаты приобретаются за миллионы, а другие щедро предоставляют энтузиасту природа, старые чердаки и подвалы, бабушкины сундуки.

Невозможно даже предположить, чего нельзя собирать. В моей коллекции есть собрание компасов, разных по размеру, датам изготовления, назначению — морские, сухопутные, воздушные, они сделаны из разных

материалов, их оправы — каменные, серебряные, пластмассовые.

Не менее интересна коллекция очков. Да, да, очков. И у каждых своя судьба. Одни принадлежали В. Н. Подбельскому (он маскировался с их помощью от филеров и жандармских ищеек), другие носил В. А. Антонов-Овсеенко, третьи — ученый. Всего 18 штук...

Кстати сказать, очки — характерное дополнение портрета. Не случайно художники-графики, чтобы изобразить Грибоедова, рисуют его хохолок и очки. Очки Грибоедова очень характерны, и мы безошибочно узнаем автора бессмертной комедии «Горе от ума».

А разве не представляет интереса коллекция газет? Ее открывает полный комплект «Петербургских ведомостей» за 1732 год. Интересны комплекты «Московских ведомостей» за 1812 год, за революционные 1905 и 1917 годы. Самая дорогая реликвия — первый подлинный номер ленинской «Правды» от 5 мая 1912 года. Попал он в мою коллекцию от одного из старейших актеров нашей страны В. В. Чарского, бывшего хранителя Бахрушинского музея. А ему кто-то принес эту газету вместе с пачкой старых афиш.

Большое место в коллекции занимают и газеты, вышедшие в дни исторических событий: в День Победы 9 мая 1945 года, в день запуска первого спутника, первого полета человека в космос, от 17 октября 1961 года, когда открылся XXII съезд КПСС... Интересны подборки газет, вышедших в юбилейные даты (открытие памятников, день смерти Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. В. Маяковского). Есть в коллекции и курьезные экземпляры. В 1932 году в Америке вышла газета, набранная настолько мелким шрифтом и такого маленького формата, что ее можно читать только через лупу. А вот газета, на которой обозначена цена — «две картофелины».

Она издавалась тиражом 100 экземпляров на одном из островов Индийского океана. Этот интересный экспонат подарил мне журналист Кассис. Не менее интересен номер иваново-вознесенской сатирической газеты «Колотушка» от 1922 года. Тираж ее был выткан из материи.

В коллекции газет хранятся и рукописные, выходившие на стройках, в партизанских отрядах.

Все эти газеты — исторические свидетели больших и интересных событий.

А что собираете, что коллекционируете вы? Этот вопрос, пожалуй, может удивить, покажется многим нелепым. А между тем в нем нет ничего странного. Иные люди всю жизнь собирают, не подозревая, что они являются коллекционерами.

Человек рождается коллекционером! Да, да, не улыбайтесь по поводу этого заявления. Ведь первые движения маленькой ручонки к близлежащим предметам направлены к тому, чтобы собрать их около себя, познакомиться с ними. Первая «коллекция» ребенка — игрушки. Девочка двух-трех лет идет с мамой в магазин и просит купить куклу. Мама говорит, что у нее уже есть пять кукол, но девочка отвечает: «А такой нет». Так появляется коллекция кукол. Мальчишки чаще всего собирают металлические предметы, мелкие детали различных механизмов.

Дети четырех-пяти лет любят собирать фантики — конфетные обертки с картинками. Это увлечение уже более серьезное и целеустремленное. Конфетная картинка — не просто красивая упаковка: она свидетельница исторических событий, маленький плакат, а иногда и настоящее произведение искусства.

Так, в 20-х годах «Моссельпром» выпустил более 20 конфетных этикеток с рисунками и текстами В. Маяковского. Ныне они — большая редкость, далеко не все

маяковеды имеют счастье обладать ими. В наше время появились конфетные обертки с изображением спутников, космических ракет, космонавтов. Через 50—60 лет на выставке «Покорение космоса» новое поколение, возможно, будет с большим интересом рассматривать эти этикетки как величайшую редкость.

Все человечество коллекционирует. Собирают дети, ученые, студенты, колхозники, академики. Не случайно великий советский физиолог И. П. Павлов писал: «...коллекционирование представляет собой великолепную тренировку волевых качеств, нет сомнений также, что коллекционирование — одна из самых доступных форм творческого труда».

В нашей печати сейчас все чаще употребляется английское слово «хобби». Оно означает увлечение чем-либо. Чаще это увлечение связано с коллекционированием. Даже рыболовы, сами того не подозревая, являются коллекционерами. Загляните в их заветные шкатулки, коробки, ящики их столов — там целое собрание лесок, наборы крючков, поплавков и других приспособлений.

Собрание книг, домашняя библиотека — та же, и порой очень ценная, коллекция. Многие держат где-нибудь в комоде коробку с пуговицами, памятными медалями, значками, жетонами, старинными монетами. Загляните в нее и увидите, как много интересного можно найти там. Мне лично доводилось отыскивать в коробках с пуговицами уникальные значки первых лет Советской власти, памятные медали, посвященные историческим событиям, оригинальные брелоки-сувениры, привезенные в прошлом веке из Франции, Англии, Индии и Швейцарии.

Известный писатель Лев Никулин коллекционировал обертки от лезвий безопасных бритв, у него их тысячи,

из всех стран мира. Марки собирал капитан легендарного крейсера «Варяг» Руднев, продолжает собирать их и его сын, крупный ученый. М. Горький собирал китайские фигурки, вырезанные из кости. Их можно увидеть теперь в его музее.

Известный писатель Л. Фейхтвангер как-то сказал: «Коллекционеры — самые счастливые люди». Коллекционирование — это разумный отдых, замечательная школа, дающая массу интересных знаний.

Кусочек флага

«Старое, но грозное оружие»,— думал я, складывая в папку материалы для выставки «60 лет революции 1905 года», которую планировал областной краеведческий музей.

Бережно беру пожелтевшие журналы, побывавшие в подполье,— «Пулемет», «Зритель», немногие открытки с карикатурами на царских сатрапов, фотографии участников первой русской революции, их личные вещи, воспоминания и очень осторожно присоединяю к ним вложенный в папочку выцветший кусочек кумача размером чуть больше почтовой открытки.

Этот кусочек хранит память о далеких днях, полных революционной романтики.

...Вместе с Валей, молодой сотрудницей музея, мы собираем экспозицию. Стекла витрин приподняты. Раскладываем принесенные мною материалы. Люблю я эти моменты: тихо в музее, тревожно и торжественно на душе, волнуешься: как будет?.. Будет ли это интересно для тех, кто придет? Тысячи посетителей, тысячи впечатлений...

В центре лежит книга В. И. Ленина «Нужды деревни», изданная в 1905 году,— она была спутницей Вадима Николаевича Подбельского, он хранил ее как самое дорогое, прятал в стружках в мебельной мастерской, где ра-

ботал его друг, краснодеревщик Тимофей — член марксистского кружка, которым руководил Подбельский, большой мастер конспирации. Вадим Николаевич прятал литературу в коробках под дорогими конфетами и бисквитным печеньем, хотя сам не всегда бывал сыт.

... Каждая вещь находит свое место в экспозиции. Вот Валя бережно взяла кусочек кумача.

— А что это? Куда мы его поместим? Что за история у него?

— Рядом с книгой Ленина. Это — часть флага, который был приготовлен для демонстрации молодежи Тамбова... В сквере Казанского монастыря — там, где стоит сегодня памятник Зое Космодемьянской,— собрались гимназисты, студенты, молодые рабочие. Был среди них и гимназист Гриша Усиевич. Собрались, чтобы отслужить панихиду по убиенным — жертвам, павшим 9 января на Дворцовой площади в Петербурге. Панихида была предлогом собраться на митинг. Но даже панихида испугала полицию.

Когда уже готовились поднять флаг, принесенный организатором, вдруг раздался крик: «Полиция!»

Собравшиеся побежали, но поздно — группа была окружена. Флаг спешно оторвали от древка, один из участников спрятал его за полу гимназической куртки. Участники собрания плотно прижались друг к другу.

Всю группу погнали во двор второго полицейского участка. Пошел дождь. Намокших начали по одному уводить в помещение на допрос. Из-за забора раздался крик: «Братцы! Обыскивают и бьют...» Группа глухо заволновалась. По рукам пошли красные кусочки — решили флаг разорвать и спрятать. Многие дорого поплатились. Не было опыта конспирации, полиция легко находила улику.

Этот кусочек кумача Ольга Николаевна Лазунова, ны-

не пенсионерка, спрятала в прическу, под косу. Долгое время хранила в любимых книгах как закладку. А в 1950 году подарила мне.

Осторожно, с любовью кладет эту реликвию Валя,— может быть, Ольге Лазуновой было тогда столько же лет, сколько ей сегодня.

Завтра Валя поведет экскурсантов и будет рассказывать историю этого кусочка кумача...

Маска Пушкина

Кто бывал в Москве у Евдоксии Федоровны Никитиной на ее знаменитых литературных «субботниках», обязательно обращал внимание на многочисленные экспонаты, заполнившие все стены от пола до потолка, собранные ею за 50 лет. Здесь фотографии с автографами, в рамках письма писателей, поэтов, художников, книги с дарственными надписями, масса картин-подлинников, скульптур, каминные часы из Полотняного Завода, мелодично отбивающие время. Их звон и тиканье слышал Пушкин. Имя Пушкина для Евдоксии Федоровны священно. Кто-то из близких друзей пушкинское собрание Никитиной называл «Александроградском», ее квартиру — столицей любви к поэту, к его творчеству.

Над входной дверью большого зала, в центре, висит гордость «Никитинской пушкинианы» — портрет поэта, написанный художником Врубелем. Его окружают барельефы, выполненные скульпторами в разное время и любовно собранные Евдоксией Федоровной. Не было в собрании только посмертной гипсовой маски поэта...

Осенью сорок седьмого года я посетил Ленинград. Как всегда, остановился у своей двоюродной сестры на Выборгской стороне. Сестра знает, что я не люблю, когда «выпытывают» у меня новости о моих находках, о неза-

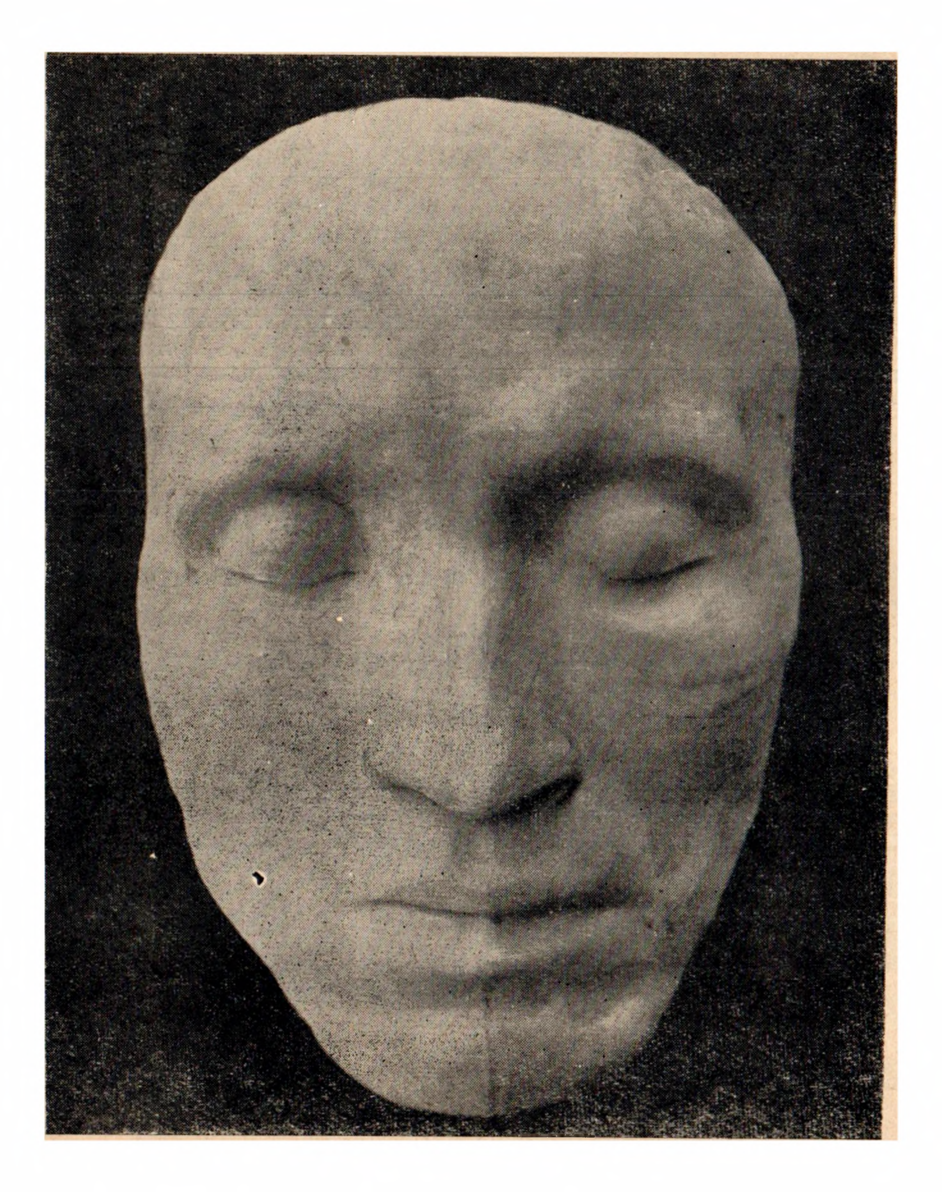
конченных поисках. Терпеливо ждет, когда я сам, не спеша, начну развязывать «узелки» с историями...

Валя моет посуду, я стою, удобно облокотившись о притолоку двери, и рассказываю историю, начатую еще за обедом, о необычной находке (у меня все необычно!) скульптуры «Борьба тигра с крокодилом». Рядом с нами пожилой слесарь налаживает отопление. Я-то думал, что он не слушает меня, занят своим делом и своими мыслями. А когда я кончил и сестра задала несколько уточняющих вопросов, дядя Сережа — так звали слесаря — как бы про себя заметил:

— Да, я вот тоже нашел как-то вскоре после войны кусок от статуи — лицо уж больно похоже на Пушкина. Глаза закрыты. Только лицо без затылка и шеи. Лежало оно в коробке со стеклом на черном бархате. Стекло разбито было... Я вынул его и принес домой. На комоде у нас лежит... Бархат старый, разлезся. Может, где и остальное было, да я уж после сообразил... Не могло не быть. Зачем было в коробке хранить?

Я поинтересовался, где он подобрал свою находку,

сразу догадавшись, что речь идет о посмертной маске.

— Да уж теперь и не помню. Работал я тогда по уборке разрушенных зданий, а попалась мне эта коробка на глаза в какой-то куче мусора... Думал, в коробке что-то другое.

— А нельзя ли взглянуть на вашу находку?

— Почему же нельзя — можно. Живу я здесь, недалече,— на Лесной.

И вот мы у дяди Сережи. Нас встретила его жена — тетя Тоня,— тихая, скромная. Как только я увидел находку, сразу же понял, что мое предположение было верным: посмертная гипсовая маска в отличной сохранности.

Я тут же рассказал, что это.

— Прямо с мертвеца снимали? — Лицо тети Тони выразило растерянность.— С покойника?

Я рассказал, как это делается. Маску я держал в руках и не решался начать разговор об условиях «передачи» ее мне... Тетя Тоня спросила меня, кто я. Я назвал себя. Она уточнила мою профессию и вдруг неожиданно для меня сказала почти с просьбой в голосе:

— А может быть, она вам нужна? Нам-то она ни к чему.— Помедлила и добавила: — С покойника.

Я было заикнулся о том, что могу заплатить, но она решительно сказала:

— Это его, как он...

— Возьмите! Она вам, вижу, нужна, я сразу понял это... как вы ее рассматривали... И сестру я вашу уважаю. Берите, я уж знаю, не оставит она ее в доме,— сказал дядя Сережа, кивнув на жену.— Покойников с молодости боится.

Я горячо поблагодарил их, сказав, что это для меня большая радость.

Позже я установил, что это авторский отлив. На обороте маски стояла латинская буква «Г» и дробный номер отлива — 6.

В дни 50-летия «никитинских субботников» я был членом юбилейной комиссии. Был свидетелем нескончаемого потока писем, телеграмм, приветствий, бандеролей, посылок в адрес Евдоксии Федоровны — знаков признания ее подвига. Захотелось и мне подарить ей что-нибудь особенное...

Многие посетители «никитинских субботников» обращают внимание: рядом со знаменитым портретом Пушкина работы Врубеля появился новый экспонат — посмертная маска поэта, найденная слесарем дядей Сережей.

Подсвечник Чапая

Человек, открывший мне дверь, был явно не в духе и на вопрос, он ли Петр Сергеевич — известный чапаевец, сердито ответил:

— Опять куда-нибудь идти рассказывать, как выглядел Чапаев, как он лихо скакал, как ничего не боялся... Ведь это все знают. А служил я под его началом без году неделю...

Я уже готовился принести извинения за беспокойство. Действительно, я пришел пригласить его участвовать в устном журнале «Безумству храбрых поем мы славу» для молодых строителей.

Он, как бы оправдывая свою раздраженность, не глядя на меня, добавил:

— Впору книжку о Чапае наизусть выучить и, как стихи, читать, а то стыдно. Каждый раз злюсь на себя. Люди хотят услышать какой-нибудь особый случай или рассказ про какой-нибудь бой, где я недалече от Чапая сражался. Приветствовать будут как славного чапаевца. Не герой я, а люди же этого не знают. Воевал, как все... Правда, труса не праздновал.

Только я подумал, не известны ли ему подробности гибели Василия Ивановича, как хозяин пригласил меня пройти в комнату — разговор велся через порог. Комната была небольшой, светлой, уютной. Я сразу обратил

внимание на рамку над комодом — портрет Василия Ивановича в папахе.

— Жену как-то прихватил на свое выступление... Всю дорогу поучала, что говорить да как, не тянуть... Не оратор я. Может, и правда — со стороны видней, а мне стыдно как-то. Не герой я. Нас у Василия Ивановича таких «известных» много было, может, теперь осталось поменьше. Времени-то утекло порядочно... Только стоит он у меня как живой в глазах, когда видел его в последний раз.

Эта фраза меня насторожила.

— Когда же это было?

— Аккурат накануне его гибели, в сентябре 1919 года, в Лбищенске. Дежурным я был... посыльным... Выходит он на крыльцо. Ну, я вскочил, конечно, стою по стойке «смирно». А он махнул рукой, как бы говоря «отставить», и вопрос мне: «Ты помнишь, где штаб наш был?» — «Помню»,— говорю. «Так вот, остался там мой подсвечник... походный, с крышкой... Слетай, друг, может, отыщется...» Описал, как подсвечник выглядит. Козырнул я, говорю: «Есть!» На коня — и в село. К вечеру был на месте. В бывшем штабе сельсовет разместился. Подсвечник на окне обнаружил, на него, видно, внимания никто не обратил.

Темнело. Небезопасно было возвращаться. Решил обождать до утра. А сказать по правде, в том селе у меня подружка завелась, хоть стояли недолго. Заскочил к ней, пробалакали с ней до зорьки,— дело молодое... Только утром, когда возвращался, встретил мужика, признал он во мне чапаевца и рассказал о том, что беляки тайком напали и Чапая убили. Осторожно разведал. Потом своих нашел, рассказал, как было дело. Ну, да книгу читали, кино видели. Вот там это...

— А подсвечник-то куда вы дели? — робко спросил я.

— Как куда? При мне остался, сохранил.

— Пользовались им?

— Нет, просто берег как память. Не подсвечник — может, тоже бы погиб, много тогда полегло наших... Вы только не подумайте, не радовался тогда я, что жив остался. Да я за Чапая еще, почитай, год с лишним дрался. Как вспомню в бою гибель его, так злее делаюсь.

Петр Сергеевич подошел к комоду, пошарил за зеркалом и протянул мне чапаевский подсвечник — офицерский, походный, образца 1914 года, с огарком, покрытым пылью...

Сколько раз при его свете Чапаев думал над картой...

На вечере я попросил Петра Сергеевича рассказать об эпизоде с подсвечником. Потом я сам рассказал об этом в радиопередаче, добавил, что вещь хоть и найдена мной, но еще не у меня.

Через неделю после передачи Петр Сергеевич пришел ко мне с обидой:

— Что же вы мне не сказали, когда о подсвечнике по

...ПОДСВЕЧНИК БЫЛ ОФИЦЕРСКИЙ, ПОХОДНЫЙ, ОБРАЗЦА 1914 ГОДА, С ОГАРКОМ, ПОКРЫТЫМ ПЫЛЬЮ.

радио рассказывать будете? Послушал бы, а то вот знакомые пересказали. Я ведь о нем никому до вас не рассказывал, к слову не приходилось.

После паузы он неожиданно спросил:

— Вам-то подсвечник нужен? Вы ведь собираете?.. Мне о вас тоже рассказали.

Выражение моего лица, наверное, было красноречивее любых слов...

Теперь нет уже в живых Петра Сергеевича. В ближайшую юбилейную дату, связанную с именем Чапаева, передам подсвечник Центральному музею Советской Армии. Пусть люди смотрят на этот небольшой светильник, служивший когда-то большому, мужественному человеку.

История медного пятака

Почти в каждой семье, у каждого человека есть свои реликвии — вещи, связанные с памятными событиями в жизни, а зачастую и с историческими. Неохотно расстаются с такими вещами владельцы. Но зато с удовольствием показывают их знакомым, друзьям.

Рассказы о семейных реликвиях иногда обрастают пышной и яркой легендой, за которой кроется скромный, но не менее интересный факт.

Я хорошо знал семью Ефимовых, но никогда не подозревал, что у них может быть реликвия, да еще какая.

Однажды я пришел к ним в гости. Зная, что я коллекционер, лукаво подмигнув, Андрей Андреевич сказал: «Вот я вас сейчас удивлю!» Он пошел в соседнюю комнату и возвратился, протягивая мне на ладони старый медный пятак с глубокими вмятинами. Я уже готовился сказать доброму хозяину, что я не собираю монет, к тому же пятак — не такая уж редкость. Но он, не дослушав меня, перебил:

— А вы знаете, какова его история?

— Нет.

— Так вот слушайте.

В 1810 году, в царствование Александра Первого, на Монетном дворе был отчеканен пятак, ничем не отли-

чавшийся от тысяч ему подобных. Был он в обороте, во многих, может быть, карманах побывал.

Крепостной Строганова, Ефимов, провожал своего сына — рекрута Андрея — в Тамбовское ополчение, которое собирали против Наполеона Бонапарта. Перекрестил Ефимов сына и передал ему этот медный пятак. «Возьми, сынок. Если ранят — выпей у шинкарки, жив останешься, пойдешь мимо мест святых — отдай попу на помин души моей. Вряд ли еще свидимся: стар я, а служба солдатская долгая».

Положил Андрей отцовский пятак в левый карман солдатского мундира. Берег как благословение отцовское. В сражении на реке Березине, где участвовал и Тамбовский полк, французская картечь угодила в грудь Андрею Ефимову, но преградил ей путь к сердцу отцовский пятак... Только вмятина осталась на нем.

Не истратил солдат пятак-спаситель, принес домой в село, показывал односельчанам, как чудо, и передал его сыну. От сына медный пятак попал к внуку, которому довелось участвовать в Крымской кампании. И надо же быть такому: вновь вражеская картечь угодила в дедов пятак (удивительное совпадение!), и вновь он спас жизнь русскому воину. И тогда появилась в семье Ефимовых легенда: «пятак-де не простой — заговоренный».

В русско-японскую войну 1904—1905 годов один из Ефимовых попал в плен к японцам. Он спрятал пятак за щекой и так сохранил его от врагов. Верил: будет цел завещанный пятак — удастся вернуться домой. Вернулся. Но прожил недолго. Умер от отравления медью — больше года был у него пятак за щекой.

Его наследники участвовали в первой мировой войне, в 1919 году — в рейдах Котовского. Побывал пятак и на реке Халхин-Гол.

И вот в 1941 году медный пятак — в кармане добро-

В 1810 ГОДУ,
В ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО,
НА МОНЕТНОМ ДВОРЕ
БЫЛ ОТЧЕКАНЕН
ЭТОТ ПЯТАК...

вольца Андрея Ефимова, рядом с комсомольским билетом. В минуты отдыха между боями Андрей рассказывал боевым друзьям историю монеты, шутил, приговаривая: «С таким пятаком меня ни одна пуля не возьмет». А дружки смеялись: «Ты фрицам скажи, чтобы в пятак целились... Не дай бог промахнутся».

Дошел младший лейтенант Андрей Ефимов до Берлина, а позже перебросили его часть на Восток добивать японских самураев. И вот 3 сентября стоит лейтенант Андрей Ефимов в почетном эскорте на крейсере, где подписывается акт о безоговорочной капитуляции Японии, и показывает соседу пятак: «У деда был за щекой, а у меня в левом кармане всю войну лежит по соседству с боевыми наградами».

Узнали обо всем этом журналисты и попросили рассказать историю медного пятака, а один иностранный корреспондент захотел купить. На это Андрей ответил: «А знаете ли вы цену этому пятаку? В вашем государстве столько денег не сыщется, чтобы заплатить за него!»

Вот какая его история. Неловко стало мне за свой поспешный приговор. Думаю, не отдаст он теперь мне такой знаменитый пятак...

— Берите, берите его вы теперь.

— А как же вы?

— Я не суеверный, я просто знаю, что наш народ непобедим. Дело не в пятаке, а в справедливости. Кто меч поднимет на нас — от меча и погибнет. Пусть это помнят все, кто одержим желанием напасть на нас! Да у меня и сыновей-то нет. В 1942 году родилась дочка, Надей назвали: надежда на победу, а в 1946 — вторая, назвали Любой-Любушкой, голубушкой — мир!

Передал мне этот пятак А. Ефимов в 1947 году.

●

Реликвия Ромена Роллана в Тамбове

Имя прогрессивного писателя и государственного деятеля, верного друга Советского Союза, великого сына Франции Ромена Роллана у нас почти так же популярно, как имя Максима Горького. И это не случайно. Р. Роллан любил русскую литературу, говорил, что Лев Толстой оказал огромное влияние на формирование его мировоззрения, а дружбой с М. Горьким он гордился.

Мне, как собирателю, всегда очень хотелось найти что-либо связанное с именем любимого писателя. И вот, как говорят, повезло, но, надо сказать, не сразу.

В 1956 году мне посчастливилось у одного московского коллекционера обменять на редкие экземпляры журналов письмо Ромена Роллана, написанное им в Москву Николаю Бакалову, известному болгарскому литератору, находившемуся в эмиграции в Советском Союзе.

Ромен Роллан писал:

«Вильнев, Швейцария, 16 мая 1928 года.

Дорогой господин Бакалов!

Как могли вы сомневаться в моем ответе?

Европа очень больна, и балканские государства являются одним из заразных очагов. Наихудшая из ран — это та, которая открыта во чреве бедного болгарского народа, такого мужественного и такого трудолюбивого. Он пять лет подвергается всем злоупотреблениям грубой силы, которая пробудилась в двух третях Европы

вследствие войны и последовавшей затем реакции.

Мы вместе с вами требуем конца этого разрушительного режима, общей амнистии для всех военнопленных и политических эмигрантов и немедленного изъятия всех чрезвычайных законов, которые под прикрытием защиты государства разрешают всякого рода злодеяния.

Наш голос слаб; ему приходится растворяться в тысячах несправедливостей во всем мире, и он душится официальной прессой всех стран. Но до последнего вздоха этот голос не устанет раздаваться против всех угнетателей, за всех угнетенных.

Уважающий вас

Ромен Роллан».

Письмо это на зеленой бумаге написано мелким, почти женским почерком. Я очень дорожу им. Не менее дорог мне и книжный знак, выполненный в 1936 году, к 70-летию Р. Роллана, известным художником Кузаняном: скала, стоящая среди бурного моря, в которую ударяет молния. Художник имел в виду писателя, находившегося в гуще политических событий, которые развертывались в то время в Европе. Знак был отпечатан и послан в Париж. Ромен Роллан прислал Кузаняну свой портрет с теплой дарственной надписью.

Не менее интересна и книга, которую удалось приобрести в начале 60-х годов, ныне это библиографическая редкость: книга статей, подобранных Роменом Ролланом,— «На защиту нового мира». Книга вышла к 15-й годовщине Октябрьской революции.

В моем собрании хранится несколько портретов Ромена Роллана. Особенно мне дорога недавно присланная гравюра-портрет Р. Роллана, выполненная известным советским графиком Анатолием Калашниковым к 100-летию со дня рождения писателя.

●

Шаляпинский перстень

Молодой, прекрасный, как былинный русский богатырь, поднимался к зениту своей славы Федор Шаляпин. Каждое выступление артиста увеличивало многотысячную толпу его поклонников. И каждый новый поклонник или поклонница имели свое, сугубо личное отношение к великому певцу.

В феврале 1903 года к модному в то время петербургскому ювелиру Роману Михайловичу Фишу зашла молодая особа, одетая в дорогие меха. Она попросила ювелира сделать мужской перстень... «Пожалуйста, с рубином». Рубин выбирала сама, остановилась на густо-малиновом русском, уральском. Роману Фишу понятно, почему она выбрала рубин. На языке камней это значило: «большая, внезапная, яркая любовь». Но, как видно, заказчица не рассчитывала на взаимность, поэтому попросила: «Поставьте камень необычно — не прямо, а с наклоном, пусть это символизирует мое преклонение перед его величайшим талантом. А внутри дату — «1903 год» и имя — «Федор Шаляпин».

Заказ был выполнен в срок и так, как просила заказчица. Перстень сделан был с большой любовью, тонкокованый. Как, при каких обстоятельствах он был вручен — неведомо. Только появился он на пальце у Фе-

дора Шаляпина. Носил он его на правой руке, на мизинце.

И вот однажды, года через три, зашел он в ювелирный магазин Романа Фиша, с тем чтобы «разбавить номер перстня»: перстень стал сниматься с трудом.

Ювелир снял с пальца Шаляпина перстень и предложил ему другой, с яхонтом, работы необыкновенной. Померил Шаляпин, а новый перстень как для него был сделан. Быстро сошлись в цене. Перстень так понравился Федору Ивановичу, что он решил подарить мастеру-ювелиру свой, с рубином: «Владей, Роман. Знай мою доброту, разумей: с шаляпинской руки!» Так и остался перстень у Романа Фиша. Берег он его по многим причинам. И потому, что это его работа, сделанная с душой, и потому, что это был подарок Шаляпина, которого Фиш знал и любил...

Через много лет судьба забросила Романа Михайловича в наш город. Здесь мы с ним и познакомились. Он много и интересно рассказывал о своих именитых заказчиках, с любовью говорил о вещах, сделанных им, о той радости, которую приносили они ему и людям. Это был необыкновенный собеседник. Никогда я не заговаривал о том, чтобы приобрести у него знаменитый перстень. Да и по правде говоря, я и не мог думать о приобретении этого уникального предмета, связанного с именем Федора Шаляпина.

И вот однажды, вернувшись из командировки, я обнаружил на столе маленький сверточек. Развернув, увидел зеленую бархатную коробочку. Открыл ее и ахнул: в ней лежал шаляпинский перстень. Сразу с вопросом к матери: «Как попал он ко мне на стол?» А мать объясняет: дня два назад приходил Роман Михайлович и принес тебе какой-то сверточек. Раза два возвращался.

ПЕРСТЕНЬ
СДЕЛАН БЫЛ С
БОЛЬШОЙ ЛЮБОВЬЮ,
ТОНКО КОВА
НЫЙ...

Все просил, чтобы сразу я передала, как только ты приедешь.

Безусловно, это был его подарок. Бросился к нему, обнял и слов не нахожу, с чего начать разговор. А он, как бы продолжая мысль, говорит: «И вы, Николай Алексеевич, не продавайте его. Передайте тому, кто дорог будет вам и кому он будет дорог, как и вам».

Вот с тех пор и не расстаюсь я с этим перстнем. Всегда он со мной. И многие знают его историю.

А однажды в Ленинграде на одном из моих выступлений ко мне подошла пожилая, но очень миловидная женщина и попросила показать ей перстень, который я также ношу на правой руке. Она долго и молча рассматривала его. И потом вдруг неожиданно сказала: «Да, у мамы был вкус». Я настолько растерялся, что нелепо задал вопрос: «А кто была ваша мама?» Она ответила: «Женщина, которой нравился Федор Шаляпин»,— улыбнулась и растворилась в толпе, окружившей меня.

У кого я только ни спрашивал, никто не знает ее. Так пока и осталось тайной имя одной из поклонниц великого певца.

О трех портретах В. Маяковского

Есть у настоящих мужчин одно замечательное качество — о большой, настоящей своей любви они молчат. Не говорят о ней даже с близкими друзьями. Чувство светлой любви — сокровенно.

Журнал «Москва» в пятом номере за 1964 год опубликовал рассказ Ал. Лесса «Чашка». В нем упоминается имя художницы Евгении Александровны Ланг, с которой в юности дружил Владимир Маяковский.

Только ли в юности? И только ли дружил?

По словам Ланг, она познакомилась с поэтом в 1911 году на похоронах художника В. А. Серова, где Маяковский впервые публично выступил с речью. А вернее, знакомство не состоялось. Давид Бурлюк, тоже присутствовавший на похоронах, вспоминает, что на попытку заговорить с ней интересная курсистка ответила таким взглядом, что они, смущенные, отошли и только поодаль следовали за ней, чтобы узнать, где она живет. Много позже Маяковский приходил к ее дому, ждал ее и на почтительном расстоянии провожал.

В 1918 году, по рассказам А. Лесса и самой Е. А. Ланг, они уже были большими друзьями с Владимиром Маяковским.

В этом же году Евгения Александровна уехала в Париж. Она рассказывает, что последний раз встречалась

с Маяковским в 1925 году в кафе «Ротонда», когда поэт возвращался из Америки на родину. Очевидцем этой встречи был Илья Григорьевич Эренбург.

Маяковский никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминал имени Е. Ланг. Но есть свидетели их большой дружбы. Это чувствуешь и тогда, когда читаешь рассказ «Чашка». И как ни «крамольно» звучит мое предположение, я хочу все же высказать его: а не была ли Евгения Ланг для Маяковского настоящей, большой любовью, самой сокровенной, о которой не говорят?

Рассказывают о том, что с выставки фотографа-художника Паолы был похищен портрет Е. Ланг и похитителем был В. Маяковский.

В 1961 году Евгения Александровна приехала в Москву из Парижа как туристка. Встретившись с бронзовым Маяковским на площади, побывав на его могиле, она поняла, что не сможет больше жить без этих дорогих мест и попросила разрешения остаться на родине. Сейчас она живет и работает (несмотря на то, что ей больше 70 лет) в Москве. Ее часто можно видеть вместе с Людмилой Владимировной Маяковской.

Е. А. Ланг вернулась на родину зрелым мастером. Ее картины были высоко отмечены на многих выставках за рубежом. Во Франции ее работам неоднократно присуждалась высшая награда — «Гран-при». Из Парижа художница привезла много своих работ и среди них, как самое дорогое,— три портрета Владимира Маяковского, написанные маслом. Один из них, как это известно из рассказа «Чашка», был подарен сестре поэта Людмиле Владимировне Маяковской. Второй был передан в дар советским космонавтам и хранится сейчас в их музее. За портретом к Е. Ланг приезжал космонавт Г. С. Титов.

Третий портрет Евгения Александровна оставила у себя, но многие работники музеев и просто любители

постоянно посещали ее с просьбой продать портрет. Эти посещения были неприятны Евгении Александровне и дорого обошлись ей: она перенесла тяжелое сердечное заболевание.

Совершенно неожиданно для меня — правда, мы уже были с ней в большой дружбе — третий портрет был подарен мне с последующим завещанием Тамбовскому литературному музею. На обороте портрета теплая дарственная надпись.

На портрете молодой Маяковский изображен на фоне химер, украшающих собор Парижской богоматери.

Портреты Маяковского работы Е. Ланг экспонировались на выставках за рубежом.

За благочестивой обложкой...

У книг, как и у людей, бывают свои интересные судьбы. Вот хотя бы у этой.

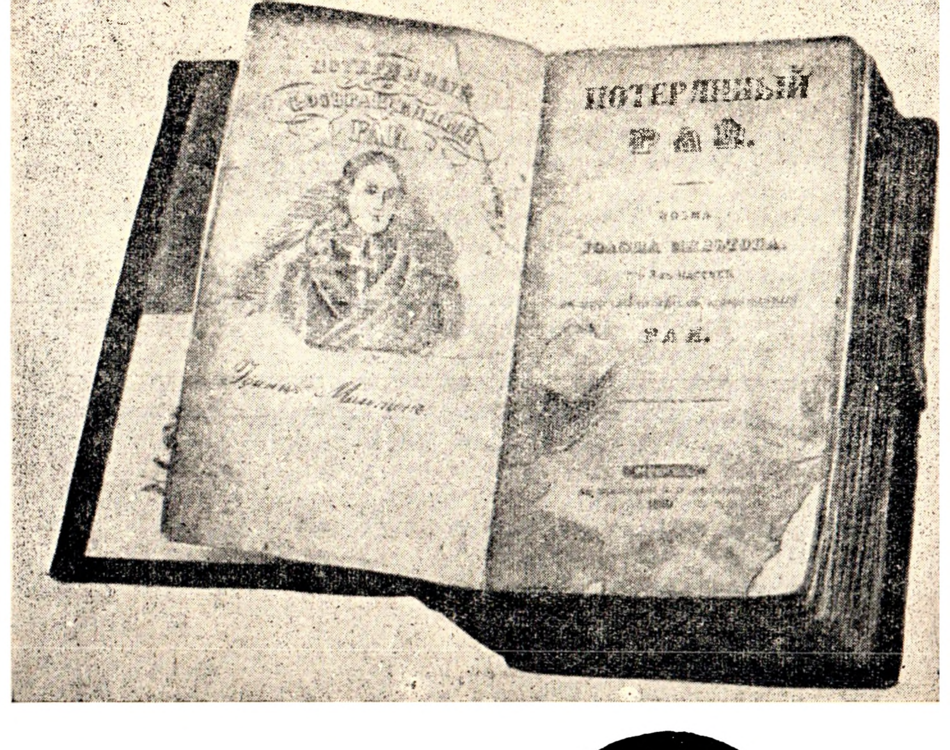
С детства я дружу с Алексеем Романовым, часто бывал у него дома. В маленькой комнате жила его бабушка, тихая, скромная. В углу висели иконы, по праздникам горела лампадка, которая стояла на толстой книге. Мысленно книгу я называл «священная». Захотелось както в детстве нам ее посмотреть — не разрешили: грех трогать...

Рассказывала Алешина мама, будто бабушка то ли в 17-м, то ли в 18-м году подобрала книгу на улице. Обложка — дубовые доски, обтянутые телячьей кожей, с медными застежками. Заглянула — на рисунках ангелы и другие «силы небесные». Решила, что книга священная, и поставила под иконы. До самой смерти берегла, молилась на нее.

После смерти старушки попала книга в чулан. Алексей, переезжая на новую квартиру, обнаружил ее там.

Перевернув тяжелую крышку, он с удивлением прочел на титульном листе: «Потерянный рай. Сочинение Иоанна Мильтона. Типография Смирнова. Москва. 1850 год».

Вот так священная!

ПЕРЕВЕРНУВ ТЯЖЕЛУЮ КРЫШКУ, ОН С УДИВЛЕНИЕМ ПРОЧЕЛ НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ...

Зная мой интерес к старым книгам, Алексей принес ее ко мне.

— Узнаешь? Бабушкин молитвенник...

— Как же, под иконами на нем лампадка стояла.

Поведал я Алексею, какая это «священная книга». Автор ее — большой английский поэт и революционный публицист XVII века Джон (в русской транскрипции — Иоанн) Мильтон. Поэма полна бунтарских мыслей. Луначарский заметил, что «самым интересным и симпатичным у Мильтона оказался все-таки черт».

Интересно, что эта поэма в конце XVIII века была очень популярна в России. Впервые ее перевел (в прозе) в 1777 году литератор Петров. С тех пор она издавалась неоднократно. Широко известно издание А. Ф. Маркса 1878 года с иллюстрациями знаменитого французского художника Г. Доре, ставшее ныне редкостью.

Дважды издавалась книга и в типографии Смирнова. На отдельных вклейках помещены иллюстрации неизвестного русского художника-гравера. В райских пейзажах и одеждах «небесных сил» — чисто русский колорит.

Выходит, старушка, сама не ведая о том, поклонялась книге далеко не священной. Многие столпы церкви считали поэмы Мильтона «крамольными», таковы они и на самом деле.

Находка этой книги была для меня лишним подтверждением того, что на чердаках и в чуланах нашего города еще много ненайденных библиографических редкостей.

●

Находка в автобусе

(Почти новогодний рассказ)

Под Новый год есть такой обычай — рассказывать удивительные истории и особенно те, которые случились накануне.

Газета что твой круглый стол. Садятся за него миллионы знакомых и незнакомых. Один ведет рассказ, остальные слушают. Многих познакомит и подружит газета. Да-да, подружит. Напишут люди в редакцию свое мнение, поделятся сокровенным, начнется переписка между «единомышленниками». Смотришь — переросла в дружбу. Был и у меня такой случай. Приобрел я массу друзей не только у нас, но и далеко за рубежом.

И помогла мне в этом газета...

Случай, о котором речь пойдет ниже, произошел много лет назад. И сейчас я приглашаю своих многочисленных друзей послушать рассказ, вроде как новогоднюю историю.

Выступаю я как-то в Тамбовском педучилище, перед учащимися. Рассказываю им о своих поисках и находках. Как да при каких обстоятельствах нашел, да сколько переживаний было, скольких людей повстречал. Ну, конечно, не без приключений. Сказал я шутки ради, что даже в приметы начинаешь верить. «Понедельник — день тяжелый, 13-е — несчастливое число, встретишь женщину с пустым ведром — не жди удачи».

Закончил выступление и говорю: «Будут вопросы ко мне?» Молчат. Думают. И вот встает девушка в очках, серьезная такая, и читает по бумажке:

— Скажите, пожалуйста, не обращали ли вы внимание, в какой день недели вам особенно везло — в среду, пятницу или воскресенье? Какое для вас самое счастливое число — третье, седьмое, шестнадцатое или двадцать четвертое? А может быть, другое какое? Какой месяц — январь, февраль и т. д.? Имеет ли значение для удач ваших год високосный или обычный?

Читает она свои вопросы не торопясь, а я напряженно думаю: в какой день мне особенно повезло? Она умолкла, и я молчу. И как назло — ни одного яркого «примера». И вдруг поймал себя на мысли: нелепо даже как-то получается, если отвечу — значит, верю в приметы. Решил отшутиться:

— А у вас есть? — спрашиваю. Она смутилась:

— Да нет. Когда в школе училась, всегда увереннее отвечала во вторник или в четные числа.

— А у меня, представьте,— говорю я ей,— как назло, ни одного примера в памяти нет. Теперь попробую примечать. Если встретимся через годик — сообщу вам.

Были еще вопросы: что лучше собирать, трудно ли заниматься поисками? На эти вопросы легко было ответить.

Вышел, иду к автобусной остановке и невольно думаю над вопросами девушки в очках. Какой же все-таки день для меня самый удачный? Подошел автобус. Передо мной села женщина с пустым ведром. Я даже заглянул в него и иронически подумал: «Хорошо, что домой еду, не по делам».

Сел у окна, оплатил проезд и опять за свои мысли о счастливом дне и удачном месяце. Отвлек меня возбужденный разговор, в котором принимало участие несколь-

ОНА...
ПРОТЯНУЛА МНЕ
ЗЛОПОЛУЧНУЮ МОНЕ
ТУ... ЯВНО ИНО
СТРАННУЮ.

ко пассажиров во главе с кондукторшей. Я спросил у соседа, что произошло, а он скороговоркой пояснил: «Кто-то ей вместо трех копеек какую-то нерусскую монету всучил».

Я моментально проявил любопытство собирателя, попросил показать монету.

— Да что показывать? — с раздражением сказала «пострадавшая».— Если так каждый день будут подсовывать, так мне и зарплаты не хватит...

Оказывается, обнаружила она монету, когда кому-то хотела дать сдачу.

— Если вам монета не нужна, давайте ее мне в обмен на три копейки. Я ее кому-нибудь из своих друзей коллекционеров отдам,— предложил я.

Кондуктор охотно протянула мне злополучную монету с чьим-то профилем. Явно иностранную. Рассматривать в автобусе я ее не стал. Сунул в карман пиджака. Вернулся домой и не вспомнил о монете. И только через три дня поздно вечером, перекладывая из кармана мелочь, обнаружил свою находку. Решил помыть монету под умывальником самым примитивным способом—мылом и зубным порошком. Потер — заблестело. Бросил на плитку умывальника — мелодичный звон. «Как у серебряной»,— подумал я. А на вид бронзовая. Поднес к глазам — близорукий я — шрифт латинский. Читаю: двадцать франков. Людовик XVIII. 1814 год. И не поверил. Двадцать франков! Это же луидор! Он должен быть золотым. Кинулся посмотреть каталог монет. Есть у меня такой на всякий случай — «всеобъемлющий» Ёман для справок, хотя монеты и не собираю.

Не нашел упоминания о луидоре 1814 года. Тут же вспомнил историю. В 1814 году, после поражения Наполеона, на престол Франции вступает Людовик XVIII Бурбон. Весной через порт Кале возвращается Наполеон с

острова Эльба и вновь на сто дней захватывает власть в Париже... Бегством спасается Людовик. А Наполеон за время пребывания у власти все учрежденное Людовиком уничтожает. Казну захватывает. Только что отчеканенные монеты пускает в переплавку. Но вот после битвы при Ватерлоо Людовик снова возвращается на престол, а Наполеона союзники навсегда заточают на острове Святой Елены.

...Держу в руках луидор с профилем последнего Бурбона. На обороте монеты известный герб — три лилии на щите, под гербом петух. Дата — 1814 год.

На другой день запросил автобусное и троллейбусное «бюро находок».

— Не разыскивал ли кто иностранную монету, случайно отданную?

— Нет, не разыскивали,— ответили мне.— Нашим кондукторам их чаще «случайно» отдают без сожаления, вместо настоящих.

Запросил «маститых» нумизматов, местных и иногородних, по телефону и письмами. Ответили: «Неведома нам сия монета, не встречали ее в каталогах, не держали в своих руках». Только один писал, что читал где-то об этом луидоре: «Двадцать франков Людовика XVIII известны в трех экземплярах — один в Париже хранится, а два уплыли за океан». Так это или нет, лично я не знаю, но теперь могу сказать твердо девушке в очках: случай этот произошел 13 сентября в 21 час в понедельник. Меня могут спросить: а какое отношение имеет к новогодней истории этот рассказ? Прямое. В допетровской Руси Новый год праздновали 1 сентября по старому стилю, то есть приходился он на 14 сентября по новому стилю. А 13 сентября ведь канун «старого» Нового года!

●

По следам старой фотографии

Вскоре после выхода в библиотечке журнала «Огонек» маленькой книжечки И. Л. Андроникова «Загадка Н. Ф. И.», где рассказывалось о поисках автором портрета М. Ю. Лермонтова, один из моих знакомых сказал:

— А вы знаете, я два или три года назад видел фотографию Лермонтова.

Я этому, разумеется, не поверил, но дома на всякий случай заглянул в энциклопедию. Да, фотография могла существовать. Фотографирование способом «дагерротип» появилось за три года до трагической гибели поэта. Правда, мне никогда не приходилось слышать о фотографии Лермонтова. Возможно, что и никто о ней не знал. А может быть, снимок сделан с одного из портретов. И я решил при встрече узнать, где мой знакомый видел фотографию. Вскоре представился случай встретиться. Первое, что я спросил: где он видел фотографию поэта? Он назвал фамилию и адрес знакомых.

Нахожу владельцев фотографии Лермонтова — очень милые люди. Разговорились. Да, была такая фотография. Старинная, настоящая. Небольшая. Портрет в овале. Коричневая. Наклеена на паспарту. Во всяком случае, прошлого века. Поэт на ней в военной форме. Очень похож.

— Где фотография?

— А мы ее года два тому назад отдали преподавателю русского языка.

— Какому?

— Вот уж теперь не вспомню фамилии. Были в доме отдыха вместе. Я ему о фотографии рассказал. Он не просил ее, но смотрел на меня такими глазами, что понял я: очень она ему нужна. Сам предложил. Рад-то был старик необыкновенно.

— В какой школе преподает?

— Не помню. Не то в шестой, не то в седьмой. Стойте, стойте, вспомнил! Кажется, в восьмой. Он говорил, что на работу ходит по берегу. А ведь восьмая почти на берегу.

Спрашиваю, как выглядел учитель.

— Невысокого роста, полный, в очках, с небольшой лысиной; лет шестьдесят, пожалуй, будет.

Отправляюсь в восьмую школу. Спрашиваю, можно ли видеть преподавателя русского языка. Оказывается, их три. Причем две женщины, а третий учитель — молодой, недавно окончивший институт. Спрашиваю:

— А не было ли у вас пожилого? — Описываю приметы.

— Нет,— говорят.— По приметам похоже, что это из первой школы. Зайдите туда.

Иду. И снова неудача. Но сказали, чтобы я сходил к пенсионеру Александру Александровичу, старому «русаку». С Александром Александровичем мы выяснили, что по приметам это должен быть Борис Васильевич. Он уже давно на пенсии. Отправляюсь к нему. И нужно же быть такому! Пришел, спрашиваю. В ответ слышу: он год тому назад умер.

Стою во дворе, разговариваю с его родственницей о причине моего прихода. Разводит руками: может, и была фотография. В это время к нашему разговору

прислушалась девочка лет тринадцати-четырнадцати.

— Это вы про карточку Лермонтова, что у дедушки на столе стояла? Я, мама, в литературный альбом, который делал наш класс на городскую выставку, отдала. Там она.

Я метнулся к девочке:

— В какой школе, где альбом?

Девочка охотно рассказала, в какой школе она учится, у кого спросить альбом. Наверное, он в пионерской комнате.

Бегу в школу.

— Да, действительно, был такой альбом,— подтверждает пионервожатая.— Только мы его подарили подшефной сельской школе.

— Какой школе, где она?

Узнаю подробный адрес. Еду на автобусе. Дорога не близкая. Приезжаю. Пионервожатая, у которой находится альбом, ушла с ребятами в поход. Возможно, будет к вечеру. С нетерпением жду ее. Иду в ту сторону, откуда она должна вернуться. Встречаю ее со всей ватагой. По дороге рассказываю, зачем приехал. Оказывается, альбом хранится в сельской читальне, куда его брали на выставку. Идем в читальню. И нужно же быть такому, что завбиблиотекой оказалась человеком нерадивым. Посчитала, что альбом был выпущен только к случаю, и решила размонтировать его, выбрав из него цветные открытки. А сам альбом с разыскиваемой фотографией лежал уже в углу вместе со списанной литературой. Но когда я рассказал ей о цели моего прихода, она вдруг проявила необыкновенную заботливость.

— Нет, фотографию эту мы вам не можем отдать. Мы ее оставим у себя.

— Зачем? — спрашиваю.— Чтобы выкинуть? Вы же собирались это сделать.

ПОРТРЕТ БЫЛ ВЫПОЛНЕН ОЧЕНЬ ХОРОШО, И СОЗДАВАЛОСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО ФОТОГРАФИРОВАЛИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА...

— Собирались, но мы не знали, что это ценность.

Кончился разговор тем, что фотография все же перешла ко мне.

Теперь о самом главном. Фотография действительно была старинной, но снимок был сделан не с самого Лермонтова, а с портрета. Портрет был выполнен очень хорошо, создавалось впечатление, что фотографировали живого человека. А время сделало все, чтобы вызвать такой эффект. Замечательным было уже и то, что я не встречал портрета, изображенного на фотографии. И я нисколько не жалел времени, потраченного на ее поиски. Теперь она хранится в лермонтовском фонде моей коллекции.

Не менее интересны были поиски рукописи Лермонтова. Однажды секретарь редакции газеты, мой большой приятель, встретил меня возгласом:

— Ты сейчас упадешь! Пять минут тому назад отсюда ушла женщина, которая приносила показать нам рукопись Лермонтова. Два листа, густо исписанных, с рисунками каких-то монахов. Просто не верится! Мы попросили, чтобы она показала рукопись в педагогическом институте и чтобы кто-нибудь из литературоведов написал о находке в газету.

Спрашиваю, кто эта женщина, где живет. Выяснил, что она заведующая библиотекой одного из заводов. По описанию сразу догадался, кто. Да я же ее хорошо знаю! Бегу к ней на работу. Говорят, еще не пришла. Нетерпеливо жду. Оказывается, где-то в пути обогнал ее. Она быстро сообразила:

— Вам в редакции сказали?

Неделю «высокие договаривающиеся стороны» вели «дипломатические» переговоры о передаче рукописи. Рукопись в это время находилась в пединституте, и уже готовился материал для газеты. Владелице советовали

передать рукопись в Москву, в Ленинскую библиотеку, или в Ленинград, в Пушкинский музей. Но вдруг кто-то установил, что это не подлинник, а хорошо воспроизведенное факсимиле. И переговоры закончились безвозмездной передачей мне на вечное хранение мастерски выполненной копии с рукописи М. Ю. Лермонтова.

Я считаю, что это тоже замечательный экспонат, хотя и копия.

Листок календаря

Коллекция календарей. Существуют и такие. Это очень разнообразные собрания. Каких календарей только нет! От миниатюрных, размером в почтовую марку, до метровых. На бумаге, на шелке, на коже, на металле. На месяц, на год, на десять лет, и есть даже «вечные».

Вы спросите: а что интересного в них? Очень многое. Ведь каждый календарь — свидетель каких-то событий. В календаре 1917 года день 25 октября ничем не отмечен... В 1961 году 12 апреля — обычный день... А в последующих изданиях эти дни — годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и первого полета человека, гражданина СССР Ю. А. Гагарина в космос — стали вехами истории, отмечаются всеми календарями мира.

Календари помогают глубже познать историю, ощутить бег времени, шаги прогресса.

Перебирая листки календаря за 1900 год, я прочитал один из них. Ничем не примечательная дата — 26 декабря по старому стилю (по новому это уже 8 января первого года нашего, XX века). На оборотной стороне листка внимание привлек заголовок: «Мыло для крестьян». Составитель дает рецепт изготовления мыла из золы папоротника:

«Крестьянам не бесполезно заменить в своем хозяй-

стве обыкновенное мыло — мылом из золы: первое обходится очень дорого для бедного класса людей, а второе — ровно ничего. Мыло этого рода приготавливается так: собранная трава «папоротник» сжигается сколь можно опрятнее, чтобы зола от нея была без примеси песку, земли и тому подобных посторонних веществ. Собранную золу всего лучше просеять, а потом уже развести водою до густоты теста, из которого наделать шариков и плиточек. Эти шарики и плитки должно высушить на солнце или в легком тепле. Приготовленное таким образом мыло из золы употребляется во всех случаях домашнего хозяйства, как обыкновенное мыло».

Я тут же позвонил в один из сельских потребительских кооперативов, спросил, есть ли в продаже мыло.

— Вам какое? — вежливо спросил мужской голос.— Есть хозяйственное, банное, яичное, дегтярное, земляничное...

Мне предложили еще до десятка наименований туалетного мыла, а также мыла для стирки шелковых и шерстяных тканей.

Да, никому из нынешних крестьян и в голову не придет готовить мыло из золы. А ведь было такое. И не так давно, всего 65 лет назад. Правда, тогда была иная эпоха — дооктябрьская.

●

Суворовский рубль

Я не нумизмат, но всегда внимательно рассматриваю старые монеты. Это не случайное любопытство.

В книге В. Грусланова и М. Лобина «Серебряные трубы» рассказывается о поисках реликвий, связанных с именем великого русского полководца Александра Суворова. Есть там интересная повесть о поисках суворовского рубля.

Известно, что Суворов особо отличившихся солдат награждал своей наградой — серебряным екатерининским рублем. Эту награду высоко ценили солдаты. Они пробивали отверстие в монете, продевали шнурок (гайтан) и носили этот рубль на шее под рубашкой, словно талисман. Дело в том, что Екатерина II награждала преимущественно офицеров и генералов, а солдат не очень жаловала. Вот Суворов и исправлял несправедливость. Часто после сражения Суворов, узнав о подвиге солдата, лично вручал учрежденную им самим награду со словами: «Помилуй бог, дрался ты, кавалер, отменно, смекалку проявил — молодец, чудо-богатырь...» И дарил рубль. Суворов получал невысокое жалование, и все же часто его разменивал на рубли, чтобы отметить своей наградой достойных солдат.

До наших дней дошла молва о наградах Суворова. Но встретить эти рубли сейчас удается очень редко. Од-

ни передавались детям и внукам как семейные реликвии, а другие оставались на поле боя вместе с воинами, погибшими в сражениях.

Мне в течение многих лет поисков посчастливилось видеть три суворовских рубля. Первый я встретил в начале пятидесятых годов. Как-то в поезде, при возвращении в Тамбов, один из пассажиров спросил, приходилось ли мне слышать о суворовском рубле. Я ответил: «Да!» И, вспомнив книгу «Серебряные трубы», пересказал ему содержание повести о Суворове. Мой собеседник внимательно слушал. Я закончил свой рассказ словами: «Только мне лично не привелось видеть эту награду». И произошло невероятное, о чем я никогда и не мечтал, что случается лишь в сказках. Мой собеседник спокойно достал из кармана пиджака кошелек типа портмоне, вынул серебряный рубль... с дырочкой... с портретом Екатерины II! «Прадедовский, по наследству достался, вместе со мной на войне был. Верьте или не верьте, бывало, перед боем потрогаю его — вроде как силы придавал и уверенность вселял: от суворовского богатыря родом иду!»

Долго я рассматривал драгоценную суворовскую награду.

«Интересная вещь?» — спросил мой попутчик.

«Такой реликвии Центральный музей Советской Армии обрадовался бы», — сказал я. Теперь не помню, как мы договорились о встрече в Тамбове. Встретившись, решили, что рубль суворовский должен быть в музее. Вместе с письмом владельца — правнука суворовского солдата Алексеева — я переслал его в Центральный музей Советской Армии. В письме были строки: «...мы всегда побеждали, в нашей армии всегда были, есть и будут чудо-богатыри». Этот рубль и поныне хранится в Центральном музее Советской Армии.

НАГРАДУ
СОЛДАТЫ ВЫСО
КО ЦЕНИЛИ, НОСИЛИ
РУБЛЬ НА ШЕЕ,
СЛОВНО ТАЛИ
СМАН.

Как-то после моего выступления в Тамбовском парке культуры и отдыха ко мне подошла пожилая женщина. Подбирая слова, застенчиво сказала: «Я вас не раз слушала, меня трогает ваша увлеченность... Вот я принесла в подарок вам нашу семейную реликвию. Мой прадед получил ее из рук самого Александра Васильевича Суворова». Дрожащими руками она начала развертывать что-то, тщательно завернутое в синюю плотную бумагу. Я подумал: «Орден или медаль».

Каково же было мое удивление, когда она протянула мне рубль с дырочками над головой Екатерины... Кто и за что им награждался, мне пояснять не надо. Я только спросил: «За какое сражение?».

«За Измаил».

«А как имя и фамилия вашего прадеда?»

«Из крепостных он помещиков Булгаковых, Телепин его фамилия, звали Михаилом».— «Из Рассказова?» — спросил я. Моя догадка подтвердилась.

«Как вас благодарить?!»

«Никак,— просто ответила она.— Храните его».

Как видно, рубль носили долго. Рядом с отверстием, пробитым в восемнадцатом веке, было пробито второе.

Подарок Александры Федоровны я бережно храню. Эта реликвия, полученная от генералиссимуса,— свидетельство воинской славы русского солдата.

Буквально в начале этого года мне встретился третий суворовский рубль. Я подарил его большому моему другу, коллекционеру и однофамильцу, Александру Никифорову.

●

Перстень из... кандалов

Каждая вещь, найденная или переданная кем-нибудь вам, обязательно вызывает определенную эмоцию: вы обрадуетесь или задумаетесь, вещь вызовет в вас какое-то воспоминание, какую-то ассоциацию, иногда веселую, порой грустную.

Как-то вместе с моим большим другом, художником, заслуженным деятелем искусств Георгием Николаевичем Карловым в один из моих приездов в столицу мы зашли к его дальней родственнице: по рассказам Георгия Николаевича, у нее должны быть интересные вещи.

Хозяйка была рада нашему приходу. Говорили о многом. Она вспоминала разные истории, связанные с ее многочисленной родней. В разговоре, узнав, что я тот самый собиратель из Тамбова, о котором она слышала от Георгия Николаевича, засуетилась, подошла к старинному письменному столу, отодвинула один ящик, другой, потом подошла к не менее старомодному шкафу, открыла дверцу, выдвинула маленький ящичек и извлекла бархатный футляр.

— Вот,— говорит,— примите мой скромный подарок.

В МОСКВЕ
С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
ЗАКАЗАЛ ДЛЯ СЕБЯ
И ЖЕНЫ ДВА ПЕРСТ
НЯ ИЗ КАНДАЛЬНО
ГО ЖЕЛЕЗА.

Я бережно взял футляр, открыл, и на моем лице, наверное, ярко отразилось недоумение. Хозяйка улыбнулась и сказала:

— Как ни странно, я дарю вам самое дорогое, что у меня есть. Очень уж хочется, чтобы побольше людей увидело эти вещи. Ведь в них — частица истории нашей Родины. Они мне достались от прабабушки, вернее, от пратетушки.

В футляре лежали два перстня — черные и блестящие. Один, по всей вероятности мужской, с печаткой-монограммой «С. В.», а второй чуть поменьше, с золотым крестиком вместо монограммы.

Перстни из вороненого железа, у того, что с крестиком,— золотая подкладка внутри ободка.

Вот что поведала нам с Георгием Николаевичем хозяйка перстней.

...Когда в 1856 году «во глубину сибирских руд» пришла весть об амнистии для участников декабрьского восстания в Санкт-Петербурге, с каторжников-декабристов снимали кандалы. Многие из освобожденных взяли на память по звену из кандальных цепей, которые носили три десятилетия. Взял такое звено и декабрист Сергей Волконский. В Москве у лучшего ювелира он заказал для себя и для жены два перстня из кандального железа. Перстни эти супруги Волконские носили до конца жизни.

Перстень Марии Николаевны Волконской имеет аллегорический смысл — изображение креста на его печатке как бы напоминает, что она «несла крест», разделяя с мужем невзгоды и трудности сибирской ссылки.

Есть в моей коллекции и кандалы, маленькие кандалы в одну десятую натуральной величины. Сделаны они в Якутии тоже из звена настоящих кандалов одним из

политических ссыльных и были подарены нашему земляку, недавно умершему персональному пенсионеру Павлу Денисовичу Пономареву, приславшему мне этот дорогой для меня экспонат из Московского дома ветеранов революции.

Эти кандалы хранятся рядом с перстнями Сергея Григорьевича и Марии Николаевны Волконских.

О чем говорят значки

Многие посетители Тамбовского областного краеведческого музея, знакомясь с экспозициями, возможно, не обратят внимания на скромный экспонат в разделе «История Тамбова». На кусочке красного бархата укреплен маленький значок — эмалевый флаг Российской Федерации, на котором золотыми цифрами и буквами написано: «325 лет». Под этой надписью — герб нашего города: улей и три пчелы. Весь герб чуть больше горошины. Этот значок был выполнен в Туле по просьбе писателя Александра Григорьевича Лаврика и подарен был Эмилю Беккеру — писателю-переводчику, жившему в Тамбове. Незадолго до смерти Беккер подарил его мне, а я счел необходимым передать его областному музею. Этот значок является своеобразной эмблемой дружбы двух русских городов — Тамбова и Тулы, а также уникальным значком, выпущенным в честь юбилея нашего города.

Очень жаль, что у нас в Тамбове почти не сохранились изображения герба города. А герб примечательный. В свое время он олицетворял бортничество, процветавшее в Тамбовском крае. Мед и воск тамбовской земли славились не только у нас, но и за рубежом. Теперь же этот герб может олицетворять трудолюбие и коллективный труд.

У каждого значка — своя судьба, за каждым из них — страничка истории.

Вспоминается мне и такое. Лет тридцать назад, разбирая старые жетоны и значки, я обратил внимание на скромный значок. Я его уже отбросил, думая, что это памятная веха какой-то незначительной даты: уж больно неказистый был у него вид. Среди отобранных для коллекции были жетоны, посвященные открытию банка, возобновлению работы Думы, пожертвования воинам... На всякий случай я посмотрел на отброшенный значок еще раз. Каково же было мое удивление: на нем стояла дата 25 октября 1917 года! Поворачиваю — надпись по старой орфографии, с твердым знаком: «Да здравствуетъ власть рабочихъ и крестьянъ». Три твердых знака. Здесь они мне показались уместными. Именно «Да здравствуетъ!» Твердо и навсегда.

На обороте значка — два красных флага, сноп и скрещенные топор и молот. Молот и колосья вошли в последующий герб молодой Советской России, а красный флаг стал знаменем нашего государства.

Вот так, пожалуй, этот значок стал началом юбилейной коллекции памятных значков и жетонов, посвященных пятидесятилетию Советской власти.

К юбилейным дням выпущено более ста значков с цифрой «50» и двумя знаменательными датами: 1917—1967. На многих значках можно видеть изображение штыка, на котором укреплен флажок. И мне хочется в связи с этим рассказать такой случай. Однажды, посетив своих знакомых по какому-то сугубо житейскому вопросу, я спросил, нет ли у них чего-нибудь такого, что связано с историей нашего города, нашего государства. Хозяйка улыбнулась и добродушно сказала:

— Вы уж думаете, что в каждом доме есть что-нибудь интересное для вас.

— Думаю — да! — сказал я ей уверенно.

— На этот раз я вас должна разочаровать.

В это время в разговор вмешалась ее племянница.

— Тетя Оля! А что у тебя хранится в сундуке? Ты каждую весну, как сушишь на солнышке сундук, бережно выкладываешь какой-то сверток.

— Постой, постой... Это у меня от брата осталось. Он в 1917 году в Питере был, когда там революция свершилась. А потом в восемнадцатом заезжал с дружком на побывку перед поездкой на Южный фронт, оставил сверток. С фронта так и не вернулся. А что там завернуто, я уж и забыла.

По моему умоляющему взгляду она поняла, что откладывать знакомство с оставленным свертком невозможно, и тут же полезла в сундук.

Через несколько минут на столе лежал сверток в пожелтевшей газете.

— Ну, разворачивайте,— как бы не решаясь развернуть сама, сказала она.

Внутри пакета лежала фотография человека в матросской форме.

— Брат? — спросил я.

— Нет, это его дружок. Веселый был, как сейчас помню, голосистый, песни хорошие пел...

Какие-то две справки, совершенно выцветшие от времени, газета с первыми декретами Советской власти и кусок кумача, напоминающий флажок. Я не обратил на него внимания, отложил в сторону, думая, что он служил оберткой. А хозяйка как бы в раздумье продолжала вспоминать:

— Брат-то мой участвовал с дружком во взятии Зимнего. Ранен был. А все равно у Смольного, когда Советскую власть объявляли, в карауле стоял. А это у него на штыке было.

У меня от этих слов сердце дропнуло.

— А вы говорите, что у вас ничего нет замечательного. Да знаете ли вы, что это за вещь, что это за реликвия?! Цены ей нет!

И наступило молчание. Каждый из нас думал о своем. Она, наверное, о погибшем брате и веселом его дружке, которые отдали жизнь за новую власть, а я думал о том, как на ступенях Смольного с винтовкой, на штыке которой развевался этот флажок, стоял первый солдат Революции и, может быть, мимо него проходил Ленин...

Видя, как бережно я держу в руках флажок, с каким вниманием рассматриваю нехитрое содержание свертка, хозяйка тихо сказала:

— Ну, а теперь ваш черед беречь, что осталось от брата и его дружка.

Вот и берегу я первые реликвии Октября, найденные у простых людей, ровесников и потомков тех, кто совершил самое великое чудо на одной шестой земного шара.

Среди огромной массы выпущенных значков есть значки с удивительной судьбой. Мне и моим коллегам еще не все посчастливилось найти.

Поиски продолжаются...

Содержание

Сдано в набор 12/VII 1968 г. Подписано в печать 13/IX 1968 г. ЛЕ05404. Формат 70 x 108$^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 2,12. Уч.-изд. л. 2,8. Цена 9 коп. Тираж 50 000 экз. Заказ № 6862.
Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34. Воронеж, типогр. изд-ва «Коммуна», пр. Революции, 39.

9 коп.

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО